

Двухкомнатная квартира Ларисы Дмитриевны Парфёновой напоминает экспозицию работ народных мастеров декоративно-прикладного искусства. От красочного калейдоскопа вышитых салфеток, рушников, скатертей, накидок, напольных и настенных ковров голова с непривычки идёт кругом и больно глазам. Необходимо какое-то время, чтобы адаптироваться в этом созданном руками хозяйки квартиры сказочном царстве. И пока я привыкаю, женщина рассказывает о своём нелёгком военном детстве, учёбе, работе, о сыне, внуке и, конечно же, о своём увлечении вышивкой.

ветских художников, таких, как Шишкин, Васнецов, но, как правило, с деталями и целыми сценами, отсутствующими в оригиналах.

Упредив мой вопрос, Лариса Дмитриевна пояснила:

ра, сложности композиции, наличия материалов, настроения и свободного времени. Иногда это занимает несколько дней, но чаще недели, месяцы, а то и годы.

— Это ж какое надо иметь терпение! — удивляюсь я. — И не раздражает вас такое монотонное занятие?

— Ну что вы! — женщина снисходительно улыбается на мой наивный по её понятиям вопрос. — Как раз наоборот — очень даже успокаивает и умиротворяет. Под это занятие всегда думается только о хорошем.

Ковры свои Лариса Дмитриевна не продаёт. Но дарит с радостью. Часто на праздничных мероприятиях её просят участвовать в выставках. На одном из таких мероприятий в Змиёвке я с ней и познакомился.

Самым дорогим для себя (конечно же, не по деньгам) из всей домашней экспозиции она считает небольшой по размерам ковёр-икону "Святитель Николай Чудотворец".

— Голь на выдумки хитра. Я часто использую дешёвые настенные ковры с аппликациями, вышиваю по ним и обязательно выдумываю и добавляю что-нибудь своё, чтобы интересней было. Взять хотя бы вот эту работу...

Она подвела меня к ковру, на котором изображен знакомый всем Московский Кремль. Всё как на фотографиях в календарях, но на заднем плане несколько добротных домов от одного до пяти этажей, расположенных в зелёной зоне.

— Такого пейзажа вроде бы около Кремля нет, — говорю я.

— Да, вы правы, но я это вышивала во времена Ельцина, и мне захотелось показать, как "бедно" живут наши правители. Ковёр так и называется: "Ельцинские дачи".

У Ларисы Дмитриевны здоровое чувство юмора, и оно — неотъемлемый элемент большинства её работ.

— Сколько же времени уходит на изготовление каждого ковра? — задаю вопрос хозяйке.

— Всё зависит от разме-

— Это уже я сделала точную копию того, что находится в каюте моего внука Сергея, командира противолодочного корабля, — поясняет мастерица, — он служит во Владивостоке. Там же на Дальнем Востоке служил и мой сын Володя, только он был подводником, капитаном первого ранга и тоже командиром лодки. Однажды приехал в отпуск, увидел "Николая Чудотворца" и говорит: "Мама, этот святой — покровитель моряков, я заберу ковёр с собой, он будет моим оберегом". Так до выхода в отставку Чудотворец и хранил моего сына, а теперь вот и внуку покровительствует.

Лариса Дмитриевна приносит альбом и показывает семейные фотографии. У неё есть уже и правнук Коля, который скорее всего продолжит семейную традицию — будет служить России, защищать её морские рубежи. И фамильный оберег перейдёт по наследству к нему.

**Виктор САДОВСКИЙ.
Фото Елены ФИЛИЧЕВОЙ.
Свердловский район.**

МАТЕРИНСКИЙ ОБЕРЕГ

Ей было двенадцать лет отроду, когда фашисты бомбили их деревню Миловку. Она до сих пор помнит в деталях страшные картины войны: гибель родственников и односельчан, горящие дома, сидящего на санях мёртвого русского солдата с гармошкой, долгую, холодную и голодную дорогу на запад — в неволю, под охраной немецких овчарок и возвращение через два года в родное село, где вместо домов торчали мрачные печные трубы. На месте их дома не было даже развалин: он был бревенчатым, и его остатки разобрали то ли наши, то ли фашисты, никто не знает.

До седьмого класса училась в Богодуховской школе и ещё один год в Яковлевской. После окончания курсов машинисток-стенографисток в Орле в 1948 году её направили работать секретарём-машинисткой в Куракинскую МТС. На заслуженный отдых ушла с должности заместителя директора Змиёвской МТС по экономическим вопросам, имея за плечами всего лишь восемь классов образования.

О её добросовестной работе говорят стопа грамот, дипломов, медалей, знаки отличия. Настенные часы с боем, которые ей подарили пятьдесят лет назад, до сих пор ходят исправно и ни разу не были в ремонте. Орловский часовой завод может по праву гордиться своей продукцией полувекковой давности.

— Вышивать я любила с детства, — рассказывает Лариса Дмитриевна, — но серьёзно увлеклась этим делом только в двадцать четыре года благодаря случаю. Будучи секретарём из-

бирательной комиссии, зашла в дом к одной куракинской женщине, она была из Польши. Родину покинула во время войны. У неё было много вышитых картинок, по которым она их делала. Мастерство польки настолько меня поразило, что, загоревшись желанием научиться делать что-либо подобное, я попросила у неё несколько рисунков. С тех пор не расстаюсь с вышивкой вот уже 52 года.

Серьёзное увлечение совпало у Ларисы Дмитриевны с рождением сына Володи (сейчас ему уже 53 года). Семейная жизнь с мужем не заладилась с первых дней,

так что воспитывать ребёнка пришлось самой. Слава богу, в то время ещё жива была мать, хотя и не совсем здоровая, но помогала.

кие кусочки, сидела рядом и вышивала. Однажды купила для него первую книжку с картинками и дала вместо газеты. Он по при-

Семья сына Владимира (фото из семейного альбома).

— Свой первый небольшой ковёр я вышила к кровати малыша, — она перебрала стопку аккуратно сложенных кусков материи и показала тот "самый первый", размером с полотенце, выполненный на миткале в технике ришелье.

А потом пошли другие, всё сложнее и красочнее. Каждую свою работу она любит как родное дитя и может рассказать историю её создания. Показывая простенький контурный рисунок медведицы и трёх медвежат, один из которых плачет над порванной книжкой, Лариса Дмитриевна с улыбкой вспоминает:

— Когда сын был ещё маленьким, я, придя с работы уставшей, сажала его на пол, давала в ручки скомканную газету и, пока он усердно рвал её на мел-

вычке начал и её рвать. Я никак не могла добиться, чтобы он этого не делал. Потом взяла полотно от старой солдатской рубахи, вышила этих медвежат и стала объяснять, что один из них плачет потому, что другие порвали его любимую книжку. Он очень внимательно смотрел, слушал, а потом заплакал. С тех пор к книгам всегда относился бережно и любил читать. Кстати, он и профессию военную выбрал благодаря случайно попавшей ему в руки книге по истории российского флота.

Я заметил, что рисунки большинства её вышивок — это известные иллюстрации к русским народным сказкам или знакомые многим по школьным учебникам копии картин русских и со-

